

Кому на Ставрополье не известно имя Якова Филипповича Балахонова? Память о нем сохранилась в сердцах нашего народа, как о прославленном полководце, одном из выдающихся организаторов красногвардейских отрядов в годы гражданской войны в предгорьях Кавказа.

В честь этой гордой памяти нашего замечательного земляка журналистом Иваном Юдиным написана повесть, которую выпустит в свет Ставропольское книжное издательство. В ней нет выдуманного ни строки. Места, события, люди — все подлинно. Многие из участников тех боев погибли, умерли, а некоторые живы до сих пор, находятся среди нас.

Повесть Ивана Юдина не только правдиво и ярко рассказывает о героической борьбе нашего народа за Советскую власть, но учит молодежь, как надо беззаветно любить и беречь свою Родину.

Вот одна из глав этой документальной повести.

Адъютант начальника штаба обороны Кубано-Черноморской республики поджидал Балахонова. Увидев его, он скрылся за массивной дверью кабинета. Вернулся через несколько секунд и вежливым наклоном головы пригласил войти.

За длинным полированным столом, кроме Яна Полуяна, сидели незнакомые Балахонову командиры.

Балахонов остановился посреди кабинета, с достоинством отдал честь Полуяну и застыл в положении «смирно».

Полуян ответил кивком сидящей головы, чуть заметно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Балахонов, — глуховатым, усталым голосом сказал он. — Прошу знакомиться, товарищи: Яков Филиппович Балахонов. Командир Второго кубанского красногвардейского отряда.

Все с интересом разглядывали рослого, стройного командира в темно-синей черкеске, золотистой курпейчатой шапке-кубанке, при дорогом кавказском оружии. Угадывалось, что им сразу понравился этот воин с лицом юноши, взглядом открытым и смелым.

— Садитесь, — пригласил Балахонова Полуян.

Когда тот присел «а стул, Полуян продолжал:

—Товарищ Балахонов уже был у меня.

Речь шла о его назначении командиром вновь формируемой кавалерийской бригады. Но положение, как вы знаете, изменилось. В предгорных станицах Баталпашинского и Лабинского отделов контрреволюция подняла голову. Там вспыхнули мятежи. Часть казаков и горцев, обманутых своими атаманами и князьками, восстала против Советской власти. Это, конечно, удар в спину Кубано-Черноморской республике. А может, и продуманный сигнал Деникину, который снова нацеливается из Донской области на Кубань, по следам своего предшественника, разбитого нами Корнилова. На границе с Терской областью, в Пятигорье, активизировался небезызвестный нам есаул Шкуро... Кстати, — усмехнулся Полуян, — товарищ Балахонов лично знаком с ним. Имел честь встретиться... Помните? — иронически, как показалось Балахонову, взглянул на него Полуян.

Балахонов резко привстал. Голубые глаза его загорелись обидой. Смуглое от природы и загара лицо стало почти черным. Он весь напрягся, как перед прыжком.

— Но вы же знаете, товарищ Полуян...

— Знаю, знаю. Сидите, — поднял руку Полуян. — Вы меня не совсем правильно поняли. Вы тогда хорошо выполнили приказ исполкома, захватили Шкуру под Бургустанской.

— В одном повинен, что не шлепнул его без суда и следствия, — проговорил Балахонов успокаиваясь. — Да, в этом я виноват. Но вы же сами приказали доставить его в Пятигорск...

— Знаю. И не ваша вина, что этот волк все-таки вывернулся. Не вы, а другие поверили его честному—честному! — офицерскому слову. Поверили и выпустили. А теперь опять разгулялся бандит...

Полуян махнул рукой. Помолчал, сдерживая гнев.

— Ну, ладно, черт с ним. Не о нем сейчас речь. Я—о товарище Балахонове. Он—уроженец Баталпашинской, отлично знает местные условия. Думаю, что именно ему надо поручить подавление мятежа.

— Балахонов из казаков? — послышался чей-то голос.

Ответил сам Балахонов:

—Нет. Мать моя казачка. Баталпангинская. А отец — иногородний. Кустарь-колесник.

— Товарищ Балахонов там вырос, — заговорил снова Полуян. — Он хорошо известен и казакам и мужикам. И его там ждут. Вот, читайте, — протянул Полуян Балахонову исписанный карандашом листок. — Это депеша из Невинномысской. От ваших друзей.

В телеграмме за подписью Пузырева, Чучулина и Пономаренко сообщалось о начале мятежа. В конце говорилось: «Отряд призывает товарища Балахонова срочно прибыть в Невинномысскую».

— Ясно, товарищ Полуян, — проговорил озабоченно Балахонов. — Разрешите выполнять?

— Да, конечно. И, знаете, железной рукой. Но помните указание Ленина: казаки не все одинаковы. Среди них немало и бедноты, и середняков. А они, как учит нас Ленин, больше склонны к

трудовому народу, чем к буржуазии. Это вам ясно? Учтите и другое. Среди горцев тоже большинство таких, для которых Советская власть—спасение от вечной нищеты, кабалы.

— Понятно, товарищ Полуян. У нас в отряде не только иногородние. Немало и казаков, и горцев.

Полуян вышел из-за стола, протянул Балахонову руку.

— Тогда желаю успеха. В помощь к вам посланы армавирцы.

Балахонов козырнул и, придерживая рукой шашку, быстро вышел.

Штабной автомобиль доставил его на Екатеринодарский вокзал.

Поезд миновал Армавир.

Балахонов задумчиво смотрел в темноту за окном. В толстом стекле отражался фонарь с розовым язычком догоравшей свечи.

Вокруг, на нижних и верхних полках, спали соседи по купе — солдаты в засаленных, измятых шинелях, женщины с кошелками.

Балахонов крепко потер сухой ладонью лоб. В голове шумело. Во рту ощущалась неприятная горечь. Сказывалась утомительная дорога в переполненном, душном вагоне. Изрядно замучила и пересадка в Кавказской.

За окном забрезжил рассвет. Балахонов очнулся от своих дум и прильнул к стеклу. Серая пелена еще укрывала горизонт, изломанную степь, а высоко в небе уже показалась двуглавая вершина Эльбруса.

Много раз в своей жизни смотрел Балахонов на заснеженные горы Кавказа и всегда не мог насмотреться. Словно потоки энергии, силы исходили от них, наполняли сердце радостью, жадной деятельностью.

Вот и теперь, увидев знакомого с детства седого великана, он ощутил такое чувство, будто его кто-то приподнимает. Эх, взлететь бы туда, до самой седловины, что так светится начищенным серебром, и взглянуть на землю, за которую бьются он и его товарищи!

Исчезли, развеялись тяжелые думы.

Весело, жизнерадостно заблестели глаза. Балахонов откинул вьющуюся каштановую прядь волос, прижался лбом к стеклу.

Поезд замедлил ход. Громче заговорили колеса. В окне замелькали ржавые переплеты моста. Побежали назад станичные домики, крытые камышом, черепицей, побуревшей от времени белой жостью, деревья, усыпанные мелкими молодыми листьями.

Еще издали Балахонов увидел на перроне группу красногвардейцев и узнал почти каждого. Сердце радостно сжалось. «Родные мои, побратимы, — хотелось крикнуть ему, — не спится вам, не отдыхаетесь».

Балахонов соскочил с подножки еще не остановившегося вагона. К нему спешили товарищи. Они улыбались, что-то кричали. Впереди почти бежал невысокий, скуластый, уже пожилой Иван Пузырев. Чуть поотстав от него, широко шагал худой, с лицом, усеянным синими угольными крапинками, комиссар отряда Григорий Чучулин. Легко ступал мягкими кавказскими ноговицами затянутый в малиновую черкеску военком отдела Григорий Пономаренко.

За ними стоял радостный Сергей Частий — школьный товарищ Балахонова, теперь его адъютант.

— Вырвался, значит? А мы, грешным делом, сомневались — отпустят ли! — сказал Пузырев, дружески хлопая Балахонова по плечу.

— Это вы меня вырвали, своей депешей, — улыбался Балахонов, пожимая руки друзей,

— Уж если говорить правду, не мы, — усмехнулся Пузырев. — Не мы, а старые твои «знакомые»: Шкуро, Косякин, Васильев, ну и прочая сволочь. Это они подняли казаков на восстание.

Пузырев достал платок, вытер вспотевшее лицо.

— Шутки шутками, — продолжал он, — а дело, кажется, горячее. Восстание, конечно, связано с наступлением германцев на Кубань. Поднялись, как по сигналу. Сразу почти во всех станицах и аулах. И день выбрали удачный.

Церковный праздник «Святой троицы». Все гуляют, в поле ни души. Кругом базары, ярмарки. Целые дивизии можно привести незаметно из гор, из лесов.

— И много у них сил?

— Кто их считал, — передернул плечом Пузырев. — Нецветайлов сейчас уточняет. А главные гнезда — в Отрадной и Бекешевской.

— В Баталпашинской как?

— Ну, там спокойно. Наших сил там немало. Да и армавирцы подошли. Тысячи полторы. Привел их Морозов. Знаешь такого?

— Это не тот, что в Ставрополе?

— Нет. Ставропольского я знаю хорошо. Михаил Григорьевич Морозов. Руководитель большевиков губернии. А этот — его однофамилец. Вроде ничего мужик. Только уж очень ершист. Всеми командовать хочет. Да и с вооружением у них плоховато. Винтовки, несколько пулеметов. А ребята, видать, боевые.

— Какие-нибудь меры уже приняты?

Ответил Пономаренко:

— Вчера днем послали в Отрадную небольшой отряд казьяминцев, сотни три. Повел их Куцемелов. Это вроде разведки боем. А там и ты подойдешь с отрядом.

— Так, — помрачнел Балахонов, — значит, надо торопиться.

— Факт, — подтвердил Пузырев. — Пошли.

На просторной привокзальной площади их ожидал «Форд» с откинутым тентом. За рулем сидел важный Синеоков. Справа от него уставился в небо ствол ручного пулемета.

У чугунной изгороди выстроился спешенный эскадрон. Навстречу Балахонову шагнул невысокий, покавалерийски кривоногий командир эскадрона Афанасий Чайка. Он выпятил широкую грудь, браво козырнул.

— С возвращением, Яков Филиппович!

— Здравствуй, Афанасий Алексеевич, — приветствовал его повеселевший при виде всадников Балахонов.

Пузырев уселся на заднее сиденье

автомобиля. К нему поднялись Балахонов и Чучулин. Частий занял место рядом с шофером.

— По ко-о-ням! — нараспев, тонким голосом подал команду Чайка.

Балахонов протянул руку

Пономаренко:

— Будь здоров, Григорий. На всякий случай держи красногвардейцев Казьминки, Ольгинки, Ивановки наготове. За Куцемелова боюсь. В пасть к волкам сунули ребят...

Автомобиль запрыгал по разбитому булыжнику, проскочил узкий деревянный мост через Кубань. Остались позади мельница, шерстомойка бывших промышленников Лагиных, жалкие лачуги рабочих. Завывая мотором, автомобиль взял крутой подъем и вырвался в изрезанную оврагами степь.

До самого горизонта раскинулась она, тревожная, безлюдная. Наступило время сенокоса, прополки, а люди боялись покидать свои жилища. Лишь изредка на дальних курганах возникали неясные фигуры всадников и сразу же исчезали. Кто они? Случайные путники, вынужденные рисковать по необходимости? А может, вражьи дозоры?

Все молчали, занятые своими думами.

Первым нарушил молчание Пузырев.

— А все же трудно конному угнаться за машиной,—оглядываясь назад, на отставший эскадрон, с восхищением проговорил он.

— Если б не они, я бы дал такого газку! Три часа—и Пашинка, — похвастался Синеоков.

— Не хвались, еще засядешь где-нибудь в яру, — засмеялся Балахонов. — Придется конями вытаскивать твой драндулет.

Синеоков обидчиво промолчал.

— Железная дорога нужна, вот что, — сказал Пузырев. — От Невинки до Баталпашинской. Нельзя без нее.

— Старики не захотели. Отказались, — подал голос Чучулин. — Побоялись, что Баталпашинская станет городом...

— Еще бы! — подхватил Пузырев. — Жили, как сомы в омуте. Царствуй на всю плетку. А проложи дорогу — появятся заводы, рудники. Богатств-то в горах вон сколько! А там и свой рабочий класс появится. Да и тузы понаедут со всей России. Вот и крышка царству разных Косякиных да Мазаевых...

— Придет время — построим, — уверенно проговорил Балахонов. — И железная дорога будет, и город будет! Разобьем беляков, кончим войну и все тогда сделаем. Соединим свою Пашинку со всей Россией, со всей Европой. И в горы протянем рельсы, аж до самого Эльбруса!

Казьминский отряд Куцемелова спешил к мятежной станице Отрадной. Переполненные бойцами брички мягко катились по ненаезженной с зимы дороге.

...Когда с колокольни прогудел тревожный набат, первыми к месту сбора прибежали молодые бойцы. Остальных ждать было некогда, и Куцемелов поднялся на тачанку.

— Слухай сюда!—зычно крикнул он, привлекая к себе внимание красногвардейцев.— Отрадненские казаки опять поднялись на восстание. Напали вчера на Совет. Кого перебили, кого разогнали. Нейметса атаманам, офицерыю. Не хотят, гады, утихомириться. Им поперек горла, что Советская власть дала трудовому человеку волю, а набродам, как они обзывают нас, иногородних, еще и землю.— Он помолчал, собираясь с мыслями.—Получен боевой приказ: немедленно выступить на Отрадную. И двигаться швыдко, что называется—алюр три креста. Одна нога тут, другая—там. Подавить восстание, проучить закоперщиков...

— Разнести Отрадную к ботовой матери, шоб головешек от нее не осталось! — запальчиво крикнул какой-то боец.

— То ж гадючье гнездо! — поддержал его другой. — Сколько разов давили, а они все за Свое...

— Так негоже, товарищи, — повысил голос Куцемелов. — Мы не кто-нибудь, не бандиты какие, а красная

гвардия. Советские солдаты! Понятно? Легко сказать: разнести. Там же не одни куркули да офицеры. Там и трудовые люди живут, а для них Советская власть — мать родная. И женщины там, и ребятишки, и старики...

— Га, старики! Так они-то и мутят!

— Мутят перво-наперво богачи, офицеры, у кого именья, табуны, — отвечал Куцемелов. — Это они натравливают на Советскую власть казаков, тех, кто потемнее. И не только обманом. Силком гонят! Слыхали, как атаман отдела Косякин, царский полковник Васильев и другие гады провели в Отрадной свою мобилизацию? Под страхом смертной казни. Конечно, там немало и заядлых контриков. Их-то и надо проучить.

— Проучим!

— Даешь Отрадную!

...В молчании на рыси двигался отряд Куцемелова. Впереди покачивалась тачанка. Рядом с ездовым сидел командир. За его спиной пристроились, обняв ствол пулемёта, двое парней.

Временами Куцемелов перегибался всем корпусом назад. Поляная, чисто выстиранная гимнастерка туго натягивалась, облекая широкие плечи. Приложив ладонь к надломленному козырьку фуражки с красной ленточкой, он окидывал строгим взглядом бойцов, будто подгонял их.

В конце растянувшейся колонны виднелись еще одна пулеметная тачанка и две горные пушки с зарядными ящиками.

Светло-желтый шар солнца быстро скользил по безоблачному небу, словно спешил укрыться за частоколом недалеких гор. Чуть отставая от взмыленных лошадей, рядом бежали длинные, уродливые тени.

Шумлив, многоводен Уруп летом. Перешли его по скалистому перекату выше станицы Попутной. Окраины Отрадной достигли уже в темноте. Здесь к ним примкнули десятка полтора местных красногвардейцев.

Вот и остановиться бы тут на ночь. Окружить себя постами, секретами и

переждать до утра. Но молодые бойцы рвались в станицу. Она, казалось, мирно спала.

Такой же молодой, горячий, как и все в отряде, командир повел бойцов к центральной площади. Там, у церковной ограды, и расположились на отдых усталые красногвардейцы.

Дорогой ценой расплатились они за свою беспечность.

Глубокой ночью станица загудела топотом копыт, наполнилась выстрелами, воем и гиком.

И вот, сперва нерешительно, потом четко и уверенно, заработал пулемет. Ему отозвался другой. По заполнившим площадь всадникам хлестнули огненные струи.

Куцемелов, потерявший фуражку, метался с перерубленной рукой среди бойцов.

— Давай за Уруп! За Уруп давай! — кричал он хриплым, надорванным голосом.

Красногвардейцы, выстрелами сдерживая осатаневших белоказачков, медленно откатывались к мосту. Под прикрытием пулеметов артиллеристы увозили свои небольшие пушки на правый берег. Оттуда они ударили шрапнелью по центру станицы.

Уже за мостом пуля настигла Куцемелова. Он покачнулся и стал оседать. Товарищи подхватили его и вынесли в гору.

Восемьдесят пять молодых бойцов потеряли в эту ночь казминцы.

Остальных солнце застало среди крутых, как гигантские волны, холмов — катавалов. Здесь они заняли круговую оборону.

Лавы за лавой, с устрашающим ревом кидались в атаки бородатые всадники. Сверкая сталью шашек, приподняв самодельные пики, неслись они на небольшой и, казалось, обреченный отряд. Но в какой-то миг перед ними возникла огненная стена. Воющая лавина ударялась о нее и рассыпалась. Кони взвивались, падали. Всадники, раскинув руки, вылетали из седел. А те, кого пуля или шрапнель обходили, уже мчались

назад, припав грудью к развевающимся гривам.

Близилась развязка. Не так заливисто, как прежде, лаяли пулеметы. Реже ухали пушки. Бойцы все чаще шарили дрожащими пальцами в подсумках, в карманах. Слышались тревожные голоса:

— Вася, подкинь обойму. Мои кончились.

— Эй, браток, займи патронов, отдам!

— Сам сухой...

Белые понимали, что у красногвардейцев кончаются патроны. Атаки становились, все яростнее, наглее.

Заменявший Куцемелова его помощник Василий Гончаров передал по цепи: — Приготовиться к штыковой!

Но что это? Из-за горизонта, со стороны аула Эрсакон, где также синело небо, докатился раскат далекого грома. Еще и еще.

Красногвардейцы с удивлением поднимали вверх потные, почерневшие лица, шарили глазами в безоблачном небе.

И вдруг послышался торжествующий крик:

— Наши!

Шум далекого боя встревожил белоказаков. Было видно, как впереди конных лав, подготовившихся к очередной атаке, заметались одиночные всадники.

Конница белых свертывалась в колонны и уходила на рысях туда, откуда все сильнее доносился орудийный гул.

Вокруг красногвардейцев осталась лишь редкая цепь залегшей вражеской пехоты.

Нетерпение Балахонова росло с каждой минутой. Когда до Баталпашинской осталось верст пятнадцать, он вскипел:

— И чего тянемся, как на волах! А ну, Синеокое, не будь трепачом. Хвалился запылить Чайку, а держишь его на хвосте. Давай!

Обрадованный водитель надвинул кожаную фуражку на глаза, пригнулся к баранке. Автомобиль рванул, набирая скорость.

Эскадрон затерялся где-то позади.

Так и влетели, с пылью и грохотом, в Баталпашинскую.

Балахонов, Пузырев, Чучулин и Частих прошли в штаб. Их встретили начальник штаба Леженин, командиры батальонов Павлюк, Савченко, Проников и другие.

Невысокий, полный, одетый, несмотря на жару, в офицерский френч, незнакомый Балахонову командир небрежно представился:

— Морозов.

— Очень приятно, значит, вместе действуем?

Морозов не ответил.

— Товарищ Леженин, — обратился помрачневший Балахонов к начальнику штаба. — Доложите обстановку.

— Из Казьминского в Отрадную направлена группа красногвардейцев...

— Знаю, — нетерпеливо прервал Балахонов. — Какие сведения от Куцемелова?

— Пока никаких. В районе Отрадной, Спокойной, Удобной полковники Васильев, Косякин, Толмачев, есаул Сеньков собрали крупные силы конницы, до пяти-шести тысяч сабель.

— Та-ак. А что в других станицах? В Бекешевской, Бургустанской?

— Шкуро пока не выступал. Но может двинуться в любой момент.

— Наверняка, — согласился Балахонов. — Шакал чует, где можно поживиться.

В разговор вмешался Морозов:

— Надо немедленно идти всеми силами на Бекешевскую, бить Шкуро, — тоном приказа проговорил он.

— А как же с Отрадной? — нахмурился Балахонов. — Бить надо и там, и там.

— Отрадная подождет... И вот еще что: вы со своим отрядом должны вступить в мое подчинение.

— Это почему же? — спросил Балахонов.

— Потому что меня сюда послали. А к вам я в подчинение не пойду! — выкрикнул Морозов.

Молчавший до этого Пузырев поднял руку:

— Спокойно! — проговорил он, шагнув к Морозову. — Я представитель Кубано-Черноморского правительства. Если вы, дорогой товарищ, намерены разводить здесь анархию, мы обратимся к вашим бойцам. Поговорим, объяснимся. Спросим, зачем они пришли сюда. Понятно?

И, надеюсь, они поймут нас. Факт. Вам ясна моя мысль, товарищ Морозов?

Ответа не последовало.

Балахонов несколько раз чиркнул колесиком зажигалки, пока прикурил.

— Товарищ Леженин, приготовьте приказ, — уже ровным, спокойным голосом обратился он к начальнику штаба. — Записывайте. На Отрадную выступают немедленно, под моим общим командованием, батальоны Павлюка, Писаренко Ивана, Бережного. Эскадрон Писаренко Максима. Три батареи. С ними Дронов. Здесь остается Савченко с остальной частью отряда. Если Шкуро двинется на Баталпашинекую, то Савченко выйдет ему навстречу. Прикомандированному к нам отряду армавирцев действовать вместе с группой Савченко. Все!

К вечеру двухтысячный отряд Балахонова выступил в поход.

Казалось, вся станица провожала его. Несмотря на строгие окрики командиров, женщины, дети, старики заполнили улицу, и колонна двигалась до кубанского моста по живому коридору.

Перед выходом отряда Балахонов заскочил домой. С ним был и Пузырев. Ирина Федоровна торжественно, как в пасхальный праздник, поцеловала в губы сына, потом Пузырена.

Филипп Акимович с почтением пожал им руки, даже пристукнул своей деревяшкой. Sprei сил вкрадчиво:

— Надолго, сынок?

— Нет, папаня. Скоро выходим...

Наташа прижалась к мужу, шепнула с укором:

— Опять уезжаешь? Дома не побудешь? И когда же это кончится, господи!..

Она украдкой смахнула слезинки с бледных щек, подняла блестящие глаза,

попыталась улыбнуться.

— Ничего, родная, больше ждала. Дай-ка я с Колюшкой поздороваюсь. Вон какой невеселый стоит. Прямо сиротка.

Балахонов подхватил сына, подбросил под потолок, прижал к груди.

— Ишь как вырос. Дерешься с ребятами? Попадает на орехи? — шутливо расспрашивал он мальчика, пытаясь заглянуть ему в лицо. Но сын молчал, уткнув нос в сукно черкески.

— Садитесь, дорогие гостечки, поешьте, — пригласила Ирина Федоровна.

Все уселись за стол. Коля устроился на коленях отца.

— Да ты што? — скрывая улыбку, с напускной строгостью накинулась на внука Ирина Федоровна. — Вон какой казачина вымахал, а забрался на коленки.

— Я не казачина, — по-отцовски сверкнул глазами Коля.

— А кто ж ты?

— Я — красный, как папаня.

— Правильно, сынок, — вздохнул Балахонов и без того вихрастую голову мальчика.

Пузырев засмеялся, весело подмигнул Балахонову:

— Вот она, смена отцам.

Филипп Акимович кашлянул, спросил:

— Как там, на фронте? Говорят, германцы прут на Кубань. Ростов заняли...

— Им дают жару под Батайском, — ответил нехотя Балахонов.

— И долго воевать, будете? — с жалостью взглянула на сына Ирина Федоровна.

— Пока беляки вверх руки не поднимут, маманя. Пока не сдадутся.

— А не будет, как весной, при Косякине?

— Не допустим.

— Дай-то бог!

Провожать вышли во двор, где у старой акаций топтались и позвякивали трензелями кони,

Ирина Федоровна опередила всех. Она отвязала вороного, ласково прикоснулась рукой к его бархатной шее и по казачьему обычаю подала сыну повод,

поддерживала стремя.

В междуречье Большого Зеленчука и Урупа на многие десятки верст раскинулась всхолмленная, покрытая зарослями терновника и шиповника, местами никогда не паханная степь. По ней до революции ходили табуны и отары ее владельцев, помещиков Мазаева, Стоялова, Макеева и других. Теперь она была пустынной. Лишь кое-где выделялись островками посевы созревающей пшеницы.

Здесь и встретился отряд Балахонова с конницей полковников Толмачева, Васильева, есаула Сенькова и горских князьков.

Белоказачья конница была замечена дозорами вовремя. Командир батареи Дронов и его заместитель Горбатенко со своими артиллеристами вмиг развернули орудия.

Прогрели первые выстрелы. Их-то и услышали окруженные под Отрадной красногвардейцы Куцемелова.

Балахонов, Пузырев, Чучулин, Частий, ординарцы с Игнатом Семиным и Корнеем Шановым во главе поднялись на ближайший курган. Им было видно, как с юга, от станицы Малотенгинской, и с запада, со стороны Отрадной, двигались многочисленные колонны всадников.

— Ого, — покрутил головой Балахонов, опуская бинокль.— Поработать придется...

С таким сильным противником отряду еще не приходилось встречаться. К тому же, с конницей. И, может быть, каждый из тех, кто сейчас находился рядом с Балахоновым на кургане, почувствовал, как тревожно забило сердце. И не было, пожалуй, такого человека, который не взглянул бы в эти мгновения на своего командира, не проверил по его поведению, велика ли опасность. Но по-прежнему спокойным казалось лицо Балахонова. Только самые близкие друзья, выдавшие его не раз и в бою, и за веселым столом, смогли бы определить, что и он взволнован, и он понимает всю величину надвигающейся угрозы.

— А вооружение у них, кажись, неважное,— проговорил Балахонов, снова приложив бинокль к глазам.— Пушек не вижу. На седле пулемет «максим» не повезешь... И винтовки, похоже, не у всех...

Он помолчал секунду и, как бы размышляя вслух, продолжал:

— Главное—первый удар. Сейчас у них много запалу. Весь расчет на «ура». Взять на испуг, подавить числом—вот их задача. А наша задача — дать им под самое дыхало, да так, чтобы слово «мама» не смогли выговорить.

Он опустил бинокль и лукаво подмигнул Пузыреву:

— Вспомни, Иван Прохорович, как в детстве. Налетит на маленького верзила. Ну, затопчет! А маленький да шустрый либо подножку подставит, либо с подпрыгу кулачишком в подбородок или ногой под низ... Ну, и валится верзила. Так и мы будем действовать.

Еще раз взглянув на приближающуюся конницу врага, Балахонов зло поджал губы.

— Ишь как идут. На психа берут. Прямо как на параде. Ну, ладно. Мы вам покажем парад!..

Будто птицы, сорвались с вершины кургана и полетели к растянувшейся колонне красногвардейцев конные ординарцы с приказаниями Балахонова.

Вскоре несколько пушек выкатили на высотки для стрельбы прямой наводкой. Пехотинцы быстро рассредоточивались и залегали. Деловито устанавливали пулеметы Иван Тендит, Василий Шокур, Пантелей Зозуленко, Никифор Овчаров и другие «стригали», как называли в шутку своих пулеметчиков красногвардейцы.

— Командный пункт будет здесь, на этом кургане,— поднял руку Балахонов.—И чтобы знамя было тут, на самой верхушке! Пусть и наши, и белые видят.

— Яша,— перегнулся к нему в седле Пузырен.— Я, пожалуй, пойду к пулеметчикам... Как?

— Давай, Иван Прохорович,— согласился Балахонов.—Желаю успеха.

— И тебе, товарищ командир.

Пузырей прыгнул с коня, передал повод одному из ординарцев и, придерживая рукой шашку, побежал по склону.

— А ты, Григорий, скачи к пехотинцам,— сказал Балахонов комиссару.— Там наша главная сила.

Чучулин кивнул и, вздыбив коня, ринулся вниз.

Конница накатывалась волнами, но была еще далеко. В центре плотные лавы двигались шагом, а на флангах всадники перешли на рысь. Так ребяташки где-нибудь на ставке или мелкой речушке торопятся охватить крыльями невода как можно больше рыбы и прижать ее к берегу.

Нехитрый прием белых действовал на нервы. Кое-где слышались панические голоса:

— Обходят!

— Окружают!

Одна за другой рывкали трехдюмовки. Впереди и позади атакующих возникали черные всплески разрывав. Подстегнутые ими, всадники перешли в галоп, стреляя на скаку. Загудела земля под множеством копыт. В сухом воздухе повис однотонный вой.

Отдельные бойцы начали отползать. Раздались одиночные выстрелы.

С кургана, где виднелось знамя отряда, скользнул всадник на вороном коне и помчался вдоль залегшей цепи. Он яростно размахивал маузером. Голос его разносился далеко по степи.

— Не стрелять! Подпустить ближе Красногвардейцы приподнимали головы, наблюдая за ним.

— Балахон...

— Яша скачет!

— Вот черт!

Вороной взрыхлил копытами землю, замер возле какого-то бойца. Тот, лежа ничком, уткнулся в траву, поднял ствол винтовки вверх и методично разряжал ее.

Балахонов навис над ним. И вдруг ярость на его лице сменилась всем

знакомой широкой улыбкой.

— Вот это герой!— крикнул он, сдерживая смех.— Ну куда ты пуляешь, куда? За молоком?

Далеко по цепи прокатился хохот.

Боец приподнял молодое, мокрое от пота лицо, узнал командира, вскочил, пристыженно заулыбался.

— Лежи, лежи... А когда будет команда — бей. Да не в белый свет, а в белых гадов!

Послушный поводу конь взвился, крутнулся на задних ногах, перебирая передними, прыгнул. Не обращая внимания на лавину вражеской конницы, в которой уже можно было различить отдельных всадников, Балахонов поскакал вдоль цепи.

Вслед неслись тревожные, сердитые выкрики:

— Товарищ командир, да уйди ты, за ради бога!

— Яков Филигачыч, не рискуй!..

— Яшка, мать твою...— ревел чей-то бас,— не подставляй зря башку! Пуля — она дура!

Балахонов сдержал вороного, прокричал, блестя зубами:

— За меня не бойтесь!.. Пуля меня не возьмет... Она пугливых любит.

Ненужный, казалось, риск, мальчишеское молодечество... За это сам Балахонов зло высмеял бы каждого, а может, и отходил плетью. Но каким лекарством от страха явилось бесстрашие командира! Какой отвагой загорелись глаза даже неопытных, необстрелянных бойцов!

И вот зазвенел, как Натянутая струна, голос Балахонова:

— Огонь!

— Огонь! Огонь! — понеслось по цепи.

Дружно, слаженно повели свои строчки пулеметы. Слитными залпами заахали винтовки. На глазах меняла свой вид роскошная в летнем убранстве, девственно чистая степь. Ее рвали, топтали тысячи кованых копыт, разворачивали до глинистого слоя фугасные снаряды. Как оспинами покрывали ее подбитые кони, выбро-

шенные седла всадники.

Василий Шокур еще не закончил первую ленту, когда его «максим» дернулся в последний раз и умолк.

— А, черт, патрон перекосило... Куда ж ты смотришь, балда,— повернул злое лицо в сторону своего помощника Шокур.

Но тот не ответил. Он будто прилег отдохнуть, опустил ковыльную голову на согнутый локоть. С виска стекала тоненькая струйка крови.

— Готов... Эх, мать вашу...— скрипнул зубами Шокур.

Он привстал на коленях и отбросил замок пулемета.

Головы Шокура коснулась чья-то тень. Кто-то сдвинул убитого в сторону, лег на его место, тяжело дыша.

— Давай, браток, давай... — услышал Шокур хрипловатый голос.

Пулемет снова затрепыхался, будто хотел вырваться из рук. Лента закончилась.

Шокур потянулся за следующей. Взгляд его впервые остановился на новом, добровольном Помощнике.

— Товарищ Пузырев, а вы зачем? — удивился он.

— Давай, давай! Не теряй время. Вон уже близко, сволочи!..

Лавина всадников быстро приближалась. Были видны широко раскрытые в крике рты, оскаленные зубы лошадей.

Шокур приложился к прицелу.

Комиссар Чучулин, старательно целясь, бил из винтовки. Рядом с ним лежали, почти прижавшись друг к другу, двое парней. Они спокойно, не торопясь, посылали пулю за пулей.

Чучулин видел их уже не раз в походах, даже запомнил, как зовут. Чернявый, горбоносый — Игнат Макаренко, а круглолицый, в золотистых кудрях — Тимофей Нестеренко. Оба — фронтовики последнего призыва, в отряде—с первых дней.

Сквозь трескотню выстрелов до слуха Чечулина доносились их голоса:

— Есть!

— И этого туда...

— Тимоша, — проговорил Макаренко, — возьми переднего, что на буланом, а я другого, что за ним, на сером...

— Ладно.

Почти одновременно прогремели два выстрела. Чучулин увидел, как передний всадник взмахнул руками, словно коршун крыльями, запрокинул голову и вывалился из седла.

Без всадника скакал и серый конь.

Закружились, затоптались на месте, потом хлынули назад еще грозные своей многочисленностью, но уже потерявшие боевой пыл белоказаки.

Лишь на одном участке — возле кургана с алым знаменем — коннице удалось прорваться. Здесь разгорелась рукопашная. Рубились кавалеристы Максима Писаренко. Штыками, прикладами отбивались пехотинцы его брата Ивана, Даниила Павлюка, Семена Пронникова.

Вот столкнулись лицом к лицу командир эскадрона Максим Писаренко и бывший атаман станицы Баталпашинской Брянцев-старший. Теперь на плечах богатой черкески Брянцева отсвечивали серебром погоны есаула.

Писаренко сразу признал давнего врага. Он крикнул торжествующе:

— А-а, встретился, гад!.. Ой, как же мне повезло!

И столько в его возгласе было настоящей, неподдельной, оно такой зловещей радости, что есаул на мгновение растерялся. Он метнул взгляд вправо, влево и понял, что подмоги ждать неоткуда — каждый занимался своим делом.

— Ну, держись, бо-со-тва!— взмахнул он шашкой.

Клинки звякнули.

Ловко, умело рубился бывший вахмистр Брянцев. Он зорко следил из-под косматых бровей за каждым движением Писаренко и легко, без труда, отбивал его яростные наскоки. В какой-то миг клинок есаула сверкнул короткой вспышкой над головой Писаренко. Но Максим опередил. Неуловимым и точным взмахом клинка

снизу вверх он полоснул Брянцева под левую скулу.

Писаренко даже не взглянул на есаула, выброшенного из седла страшным ударом. Он круто повернул коня. Бешеные глаза выискивали новую цель.

Далеко вокруг кипел рукопашный бой.

Расходились и сходились в сече кавалеристы Ефим Худояров, Иван Поповиченко, Тимофей Сухомлинов, Игнат Коняхин, Андрей Солженикин, Федор Круглов.

Прижатый к оврагу, отбивался ручными гранатами взвод Афанасия Доценко.

У подножия кургана Николай Лапин, Василий Трушин, Антон Тягнибеда, Николай Соболев и другие, став спиной к спине, образовали живую стену, ощетинившуюся штыками. Как разъяренные псы, на них яростно набрасывались белоказаки и откатывались прочь.

И вдруг Писаренко увидел Антона Сысоева. Тот в одиночестве дрался, по крайней мере, с десятком белоказаков.

Тому, кто в первый раз видел Антона, могло показаться, что и он верхом или стоит на какой-то возвышенности. Его взлохмаченная голова виднелась почти вровень с головами всадников.

Белоказаки кружились вокруг богатыря, тянулись шашками, но достать не могли. Пехотинская винтовка с четырехгранным штыком так и ходила в его руках.

На истоптанных, забрызганных кровью метелках ковыля и полыни корчились те, кто забыл про осторожность, слишком приблизился к нему.

Один из казаков что-то закричал, широко раскрыв волосатый рот. Всадники одновременно, видимо, по его команде, кинулись к Сысоеву.

Писаренко зло стегнул коня шашкой плашмя. Конь всхрапнул, рванулся.

Но не успел Максим.

Тот же бородатый бросился к Антону сзади. Он привстал на стременах, перегнувшись через голову коня и концом

шашки рубанул богатыря.

Сысоев резко повернулся. Взметнулась винтовка. Но сил на большее не хватило. Винтовка выскользнула из его рук, он зашатался, постоял мгновение, обхватив руками голову, и рухнул вниз лицом.

Беда постигла бы и Максима, не подоспей подмога.

Где-то рядом захлопали сухие выстрелы, послышались удары с выдохом, крики от боли и ужаса. Мимо Писаренко промчался на коне Балахонов. Ствол его маузера дымился.

Вслед за ним проскакал Игнат Семин — семнадцатилетний ординарец. По-ястребиному зоркими глазами он следил за всем, что происходило вокруг, и на выбор бил из нагана. Каждый его выстрел означал, что еще одна опасность миновала вырвавшегося вперед командира.

С побуревшей шашкой в руке вертелся среди белоказаков Корней Шанов. «На, на, на!» — выкрикивал он сквозь сжатые зубы, будто раздавая подарки.

Рубили, стреляли, топтали врагов копытами коней бойцы конвойного взвода, кавалеристы Писаренко.

На вершине Стояловской горы возникла ж застыла, как на картине художника, группа всадников. Над ними едва заметно полоскалось в струях воздуха пронизанное солнцем алое знамя.

Внизу, за серебряной лентой Урупа, раскинулась Отрадная.

По крутому склону густыми цепями скатывались к станции красногвардейцы.

Из глубокой балки, разделяющей горы Стояловскую и Макеевскую, вынеслись всадники. Впереди скакал Максим Писаренко с отброшенной книзу шашкой, так и не вложенной в ножны с начала боя.

Молча, без присущего коннице устрашающего крика, мчались они к мосту, где сгрудились в давке пешие и конные белоказаки.

Засверкали клинки. Над рекой повис однотонный вой...

Конница белых отходила вверх по

Уруп, Большому и Малому Зеленчукам.

В последующие дни отряд Балахонова занял станицы Спокойную, Надежную, Передовую.

Словно снег под вешними лучами, таяли полки мятежников. Большинство белоказачьей конницы растворилось в оставшихся позади станицах и аулах. Многие укрылись в горных лесах.

Лишь несколько сотен всадников с полковниками Толмачевым, Васильевым, есаулом Сеньковым во главе уходили в сторону Бургустанской и Бекешевской, где накапливал силы Шкуро.